

И. И. ЛЯПУШКИН

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ «ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ» ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ¹

(По материалам полевых изысканий 1940, 1945—1948 гг.)

1

В конце XIX в. известный киевский археолог В. В. Хвойка открыл среди древностей Среднего Поднепровья ряд могильников и поселений конца I тысячелетия до н. э. и начала н. э., получивших в литературе наименование памятников культуры «полей погребений» или «полей погребальных урн». Вновь открытые памятники привлекли к себе широкое внимание археологов. На страницах центральной и местной прессы появились заметки, подчеркивающие большую значимость этих памятников для изучения древнейшего периода восточного славянства.² Своими наблюдениями над исследуемыми памятниками В. В. Хвойка поделился в статье «Поля погребений в Среднем Приднепровье».³ В ней он очертил территорию распространения известных ему памятников этой культуры и топографическое местоположение, охарактеризовал общий облик их, дал описание некоторых наиболее характерных находок и на основе этих данных произвел хронологическое членение памятников на две группы: раннюю — зарубинскую, датируемую временем «около Р. Х.», и позднюю — черняховскую, датируемую II—V вв. н. э. В заключение автор выставил положение, что вновь открытые им памятники «полей погребений» зарубинского и черняховского типов «принадлежат единственному народу, жившему так долго на указанной территории, именно древним славянам, поселившимся в области Среднего Приднепровья, как показано, со времен самой отдаленной древности».⁴

Несмотря на интерес, проявленный к открытым памятникам, работа В. В. Хвойка не получила должного развития. С момента открытия первых памятников до конца тридцатых годов нашего столетия новых

¹ Термин «культура полей погребений» далеко не отвечает содержанию рассматриваемых нами памятников. Мы пользуемся им в том же условном значении, в каком он применяется большинством исследователей к памятникам первой половины I тысячелетия н. э. Среднего Поднепровья и смежных областей.

² Погребальные поля в Киевской губернии. АЛЮР, т. II, Киев, 1900, стр. 117—118; ИАК, Прибавление к вып. 3, СПб., 1902, стр. 50—51 (по материалам: Правит. Вестн., 22 III 1902, № 66; Киевская Газета, 24 III 1902, № 84; СПб. Ведомости, 2 III 1902, № 83; Финляндская Газета, 24 III 1902, № 46).

³ ЗРАО, т. XII, нов. серия, СПб., 1901, стр. 172—190.

⁴ В. В. Х о в о й к а. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, стр. 190.

значительных полевых исследований произведено не было. Мало пополнился и круг известных памятников. Все последующие исследователи вплоть до наших дней в своих выводах об этой культуре основывались на материалах В. В. Хвойка из могильников у с.с. Зарубинцы, Черняхово, Ромашки и некоторых других, открытых и исследованных им же.

Трудность обнаружения новых памятников была обусловлена в первую очередь тем обстоятельством, что ни поселения, ни могильники «полей погребений» не имеют наружных признаков. Они могли быть выявлены или случайно при земляных работах, как это и было с большинством памятников, исследованных В. В. Хвойка, или в результате специально поставленных разведочных работ. Поскольку разведочные работы не производились, единственным источником оставались случайные находки. Однако известия о последних не всегда доходили до археологов. Найденные вещи чаще всего гибли или оседали в руках местных любителей старины, а на места находок просто не обращали внимания, о них забывали.

Особенно мало было данных о культуре «полей погребений» на территории Днепроовского Левобережья, хотя памятники этой культуры (ранней ее стадии) здесь были открыты В. В. Хвойка одновременно с правобережными.¹

Первые не вызывающие никакого сомнения данные о наличии на Левобережье элементов культуры «полей погребений» черняховского типа связаны с открытием и исследованием М. Я. Рудинским в 1924 г. могильника и поселения у с. Кантемировка Чутовского района Полтавской обл.² Правда, Кантемировский могильник не является типичным могильником «полей погребений» черняховского типа. С последним его связывает лишь сходство могильного инвентаря, в первую очередь керамики.

В 1925 г. следы поселения начала н. э. были обнаружены близ устья р. Орель, у Кабаковых хуторов.³

Разведочными работами 1926 г. были выявлены еще два пункта этой культуры: могильник у с. Гурбинцы Сребнянского района Черниговской обл. (Н. Е. Макаренко)⁴ и поселение близ с. Манжелеи Великокринковского района Полтавской обл. (М. Я. Рудинский).⁵ Если не считать случайных находок отдельных предметов этой культуры, опубликованных в разное время в украинской печати (у с. Ковали Хорольского района Полтавской обл., 1929 г.,⁶ у хут. Холодного близ г. Ромны, 1929 г.,⁷ у хут. Савинского близ г. Лубны, у хут. Гречаники близ Переяслава, в с.с. Нехвороща, Шишаки Полтавской обл.⁸), — это все, что было

¹ В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 172; он же. Древние обитатели Среднего Приднпровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 43.

² М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, присвячений 35-річчю Полтавського музею, Полтава, 1928; он же. Кантемірівські могили римської доби. Записки ВУАК, т. I, Киев, 1930.

³ К. Антонович-Мельник. Археологічні досліді на Кременчужчині. Коротке звітлення за археологічні досліді за 1925 рік, Киев, 1926.

⁴ М. Макаренко. Археологічні досліді та розшуки на Прилуччині. Коротке звітлення за 1926 рік, Киев, 1927, стр. 111—112.

⁵ М. Рудинський. Досліді на Полтавщині. Коротке звітлення за 1926 рік. Киев, 1927, стр. 151—153.

⁶ С. Магура. Випадкові знахідки за рік 1927. Хроніка археології та мистецтва, ч. 2, Киев, 1930, стр. 49—50.

⁷ М. Семенчик. Випадкові археологічні знахідки на Роменщині. Хроніка археології та мистецтва, ч. 1, Киев, 1930, стр. 69—71.

⁸ М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник. ., стр. 51 сл.

известно о культуре «полей погребений» на Левобережье до последних дней.

Число известных памятников культуры «полей погребений» стало быстро возрастать в последние, в основном послевоенные, годы в связи с широкими разведочными работами, предпринятыми Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР совместно с Институтом археологии АН УССР. Днепровская Левобережная экспедиция поставила одной из основных задач своей работы выяснение территории распространения памятников «полей погребений» (II—V вв. н. э.) на Левобережье.¹ И если в предшествующий период, когда памятники культуры «полей погребений» открывались случайно, при различных хозяйственных земляных работах, ведущее место среди них занимали могильники как памятники наиболее заметные по составу своего инвентаря (цельные горшки, различные металлические поделки, бусы и т. д.) и по наличию в них человеческих костяков, то при разведочных работах на первое место выступили остатки поселений, незаметные для глаз местных жителей, но вполне уловимые археологом при тщательных поисках.

За время полевых работ (1940, 1945—1948) Левобережной экспедицией обследовано 30 памятников, относящихся к культуре «полей погребений». Подавляющее большинство их совершенно не было известно. Из этого числа 25 являются ясно выраженными остатками мест поселений. При четырех из них известны места могильников (Свинковка, Кантемировка, Писаревка, Пересечное). Следует отметить, что из обширной территории Днепровского Левобережья только бассейн среднего и нижнего течений р. Ворсклы был подвергнут сплошному обследованию, да и то преимущественно в нагорной своей части, вся же остальная территория (бассейн рр. Псла, Сулы, Сейма, нижнего течения Десны, верховьев Сев. Донца) была охвачена лишь предварительными разведками. Нет никакого сомнения в том, что выявленные памятники культуры «полей погребений» составляют лишь незначительный процент их действительного наличия. Ежегодные открытия новых памятников этой культуры в достаточной мере подтверждают последнее положение. Весьма показательны также результаты двадцатилетней работы харьковских научно-исследовательских учреждений, неизвестные до последних дней широкому кругу исследователей (опубликованы в статье И. Луцкевича).² Вновь открытые памятники в совокупности с известными ранее коренным образом изменяют наше представление о месте культуры «полей погребений» в области Днепровского Левобережья. Достаточно указать хотя бы на такой факт: на Левобережье поселений культуры «полей погребений» черняховского типа нам известно сейчас больше, чем на Правобережье в рамках одних и тех же широт (Сейм—Ворскла и Тетерев—Рось). Территориально эти памятники охватывают не какую-либо узкую полосу, а все лесостепное Левобережье от Днепра до С. Донца и от Ворсклы до Сейма. Правда, известные нам памятники в очерченной области размещены неравномерно. Их больше в бассейне рр. Ворсклы и верхнего течения С. Донца, но они есть и в бассейнах рр. Псла и Сулы и по левому берегу Днепра от устья р. Орели до Трубежа. Остатки их прослеживаются и в бассейне рр. Сейма и нижнего течения Десны. Эти данные, однако, не могут являться свидетель-

¹ И. И. Л я п у ш к и н. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X ст. КСИИМК, XII, 1946, стр. 117 сл.

² И. Луцкевич. Материали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, II, Київ, 1948, стр. 164—178.

ством того, какой из районов Левобережья в начале нашей эры был заселен плотнее. Это пока лишь показатели степени изученности того или иного района, не больше. В этом мы в достаточной мере убедились на опыте работы экспедиции за последние годы (см. Карту археологических памятников, между стр. 32 и 33).

2

По своему внешнему облику поселения культуры «полей погребений» весьма однообразны. Это открытые, не имеющие никаких искусственных укреплений поселения-селища. На Левобережье мы не знаем ни одного городища, где были бы найдены отложения этой культуры. Имеющееся в литературе указание о керамике культуры «полей погребений» «с городища на высоком правом берегу р. Псла, в 10 км на юго-запад от г. Лебедина, у с. Ново-Троицкого», собранной О. О. Потаповым и хранящейся в Археологическом музее Харьковского университета,¹ не находит подтверждения. В 1948 г. при обследовании бассейна р. Псла мы посетили Ново-Троицкое городище. Обнажение одного из склонов мыса, занятого городищем, позволило достаточно тщательно исследовать культурные отложения. Собранные материалы не содержат данных для утверждения о наличии на территории мыса поселения в начале нашей эры. Как материалы, так и внешний облик городища свидетельствуют о том, что на мысу было раннеславянское укрепленное поселение VIII—X вв. Поселение существовало недолго. После прекращения жизни около X в. на территории не возводилось никаких построек вплоть до наших дней, о чем свидетельствуют хорошо сохранившиеся на поверхности мыса задернованные ямки-западинки от разрушенных полуземляночных жилищ. Развалины полуземлянок прослеживаются и в обнаженном склоне. Повидимому, в документацию коллекции Археологического музея Харьковского университета вкралась какая-то техническая ошибка, повлекшая за собой отнесение к Ново-Троицкому городищу материалов, не имеющих к нему никакого отношения.

Погрешность подобного рода лежит и в основании утверждения В. В. Мавродина, что «недалеко от могильников [«полей погребальных урн». — И. Л.], повидимому, родовых кладбищ, располагаются городища. Продолжают существовать древние городища скифской поры (на Левобережье — Бельское)... Наряду с огромными городищами (Бельское...) в лесостепной полосе Среднего Поднепровья в эти времена [I—V вв. н. э. — И. Л.] существуют небольшие городища (на Левобережье — Кременчуг на Псле, Кантемировка у Полтавы)».²

То, что на Бельском городище отложения начала н. э. пока что не известны, мы отмечали уже неоднократно;³ Кременчугское же и Кантемировское поселения не городища, а селища. Об этом сказано и в работах М. Я. Рудинского,⁴ это наблюдали и мы при обследовании Кантемировского поселения.⁵

¹ И. Луцкевич, ук. соч., стр. 165.

² В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, стр. 30.

³ И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947, стр. 132—133.

⁴ М. Рудинський. Кантамирівські могили римської доби. Записки ВУАК, т. I, 1930; он же. Досліди на Полтавщині. Коротке звітання за 1926 рік, Київ, 1927, стр. 151—153.

⁵ И. И. Ляпушкин. Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы. КСИИМК, XIX, стр. 31.

Не меньше однообразия и в топографическом размещении поселений культуры «полей погребений». Все известные поселения Левобережья, обследованные как Левобережной экспедицией, так и другими исследователями, размещены на первой надпойменной террасе, вернее на ее склоне — при устьях небольших речек, оврагов или мокрых балок. Они тянутся узкой (50—100 м) полосой вдоль берегов рек и впадающих в них балок и оврагов, огибая мысы, образованные стыком двух водных артерий. Протяженность таких поселений бывает самая разнообразная — от сотни метров до километра и больше.

Следует отметить, что территории, занятые остатками поселений, и прилегающие к ним земельные участки в наши дни в большей своей части находятся под усадьбами или под огородно-бахчевыми и пропашными культурами.

подавляющее большинство поселений культуры «полей погребений» Днепровского Левобережья не раскапывалось. Незначительным раскопкам были подвергнуты лишь два поселения у с.с. Кантемировка в 1924 г.¹ и Пересечное (1931—1933 гг.).² Все материалы, характеризующие сущность культуры, являются, подъемными, собранными при обследовании поселений. Вполне естественно, что материалы эти отрывочны и не позволяют воссоздать хозяйственный и общественный строй жизни обитателей этих поселений, а равно обосновать твердые хронологические границы как отдельных поселений, так и культуры в целом. Впредь до изучения хронологии этих памятников на широкой территории мы датируем их рамками первой половины первого тысячелетия н. э., несколько расширяя наиболее распространенную в настоящее время и в какой-то мере обоснованную датировку II—IV вв. н. э.

Основную массу культурных остатков на поселениях составляют черепки глиняной посуды, кости различных животных, куски обожженной глины с отпечатками прутьев и кольев, единичные поделки из глины и камня. Следует отметить также наличие на площадках поселений большого числа камней самых разнообразных пород. На многих поселениях черепки глиняной посуды принадлежат исключительно гончарным сосудам. Но есть и такие поселения, где встречаются черепки и лепных сосудов. В ряде случаев облик последних так ясен, что нет ни малейшего сомнения в том, что они не имеют никакого отношения к керамическому комплексу культуры «полей погребений» черняховского типа. Это остатки или эпохи бронзы (Пересыпь, Бродок), или зольничной культуры (Курортная). Однако на большей части поселений черепки лепной посуды настолько мало характерны, что нет никакой возможности не только найти им место среди известных керамических групп, но и восстановить хотя бы приблизительно типы отдельных сосудов.

Поскольку керамические остатки состоят почти исключительно из обломков, а не из целых сосудов, нам представляется возможным охарактеризовать керамику исследуемых поселений преимущественно с технологической стороны и лишь в весьма общем виде со стороны форм сосудов.

По составу глины, технике обработки поверхности, обжигу и некоторым другим признакам гончарную керамику поселений культуры «полей погребений» можно разбить на три группы.

Первую и, пожалуй, самую большую группу составляют сосуды преимущественно серого цвета из глины с примесью крупных зерен различных горных пород. Поверхность их шершавая. В нижней части сосу-

¹ М. Рудинский, ук. соч.

² И. Луцкевич, ук. соч.

дов большое количество так называемых задоринок, процарапанных зернами горных пород под нажимом руки при вращении сосуда на гончарном круге. В большей части черепки этой группы принадлежат кухонной посуде, горшкам по преимуществу. Форма их хорошо известна по материалам Кантемировского могильника¹ (рис. 1, 2, 3), а также по ряду случайных находок. Они имеют овальный в сечении, слегка отогнутый во внешнюю сторону венчик, невысокую, но хорошо профилированную шейку, ясно выраженные плечики и слегка припухлый корпус, переходящий ко дну на конус. Донышки некоторых горшков этого типа имеют кольцевую ножку. Плечики иногда орнаментированы врезными круговыми линиями.

Сосуды второй группы в технологическом отношении лишь немногим отличаются от сосудов первой. Они имеют более чистый, лишь с незначительной примесью мелкозернистого песка состав глины. Поверхность стенок этих сосудов значительно глаже. Основную массу остатков посуды этой группы составляют черепки крупных сосудов чаще всего с плоскими горизонтально отогнутыми венчиками. Это, повидимому, сосуды хозяйственного назначения, тара типа пифосов, но только несколько меньших объемов.

Третью группу составляют черепки сосудов, изготовленных из тщательно отмученной глины. Цвет их красный, желтый, оранжевый, светлосерый, темносерый, черный. Поверхность покрыта лощением. Это остатки столовой посуды. Ведущее место в ее составе принадлежит мискам самых разнообразных профилей, затем кувшинам, кружкам, чаркам и некоторым другим формам. Многие сосуды этой группы орнаментированы. Техника орнаментации и рисунки самые разнообразные: прочерченные прямые и волнообразные круговые линии, различные геометрические фигуры, нанесенные на матовое поле лощеных сосудов с помощью лощения, каннелирование, наколы при помощи гребенки или какого-то другого острого инструмента и др. Многие сосуды этой группы являются образцами художественного ремесла (кувшин из с. Коровинцы).

Характерными чертами керамической посуды всех трех групп являются четкость профилировки сосудов, плотность теста и высокое качество обжига. Сосудам всех трех групп, — но не всем — свойственна еще одна общая черта: наличие так называемой «кольцевой» или «плоточной» ножки у донышка.

Среди керамических остатков поселений культуры «полей погребений» встречаются черепки и еще одной группы сосудов, сделанных на гончарном круге, — амфор так называемого римского типа. Черепки этих сосудов резко выделяются из состава черепков посуды собственно культуры «полей погребений» как по своему оранжево-желтому или палево-желтому цвету, так и по профилю. Количественно черепки этих сосудов занимают небольшое место, но они повсеместно сопутствуют керамике «полей погребений», а потому и не могут быть обойдены при изучении культурных остатков поселений «полей погребений». Однако следует иметь в виду, что сосуды этой группы присущи не только поселениям «полей погребений». Территория их распространения значительно шире. Они встречаются в тот же период на поселениях Крыма, Нижнего Дона, Кубани и в других местах и не являются характерным признаком керамического комплекса культуры «полей погребений».

Из числа глиняных поделок на поселениях чаще всего встречаются пряслица. Большая часть их имеет усеченную биконическую форму

¹ М. Рудинский, ук. соч.

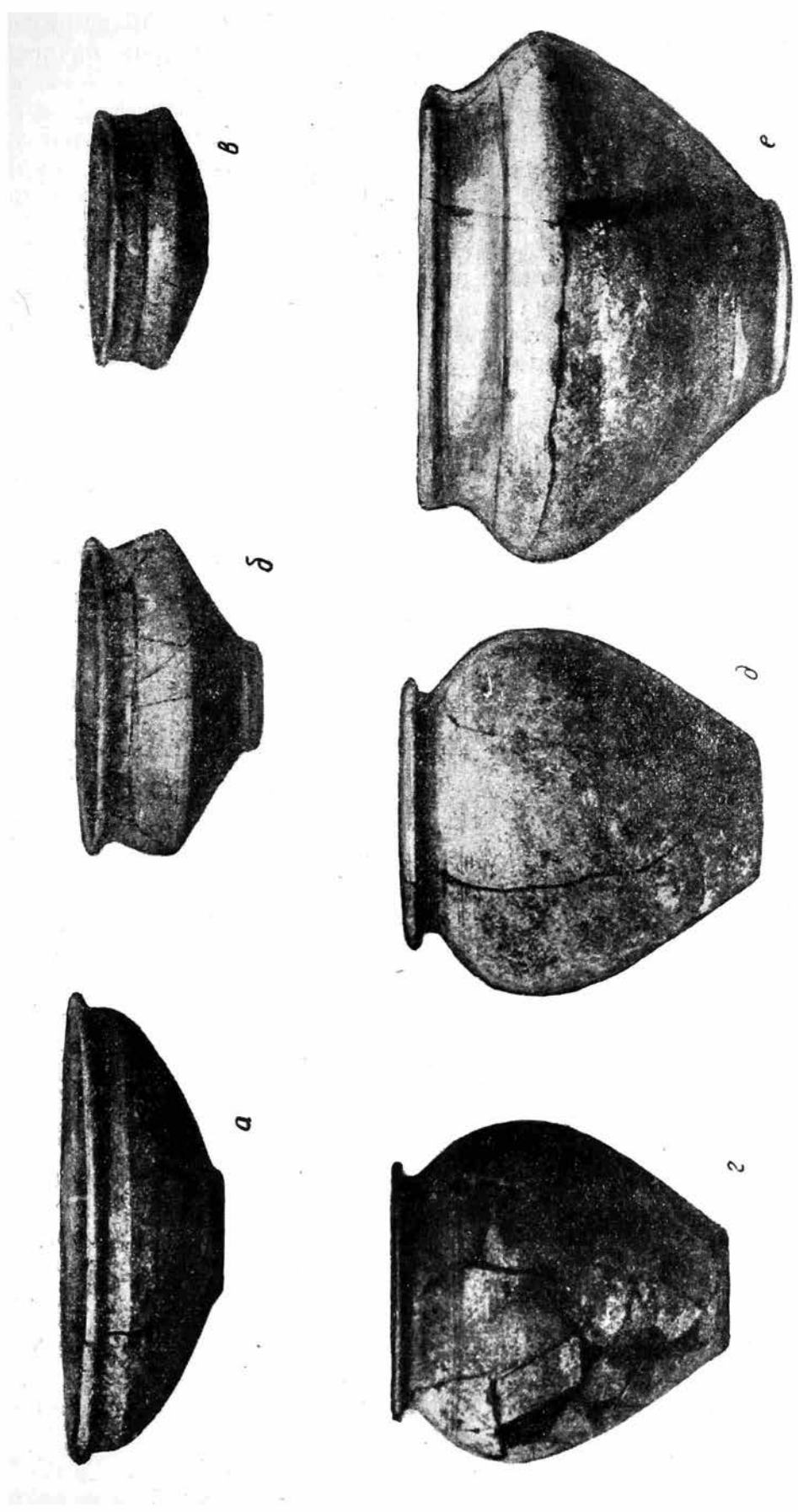

Рис. 1. Керамика Кантемировского могильника, Погребение № 1 (по М. И. Рудницкому).
 а — 2/3 н. в.; б, в — 1/4 н. в.; г, д — 1/3 н. в.; е — 2/7 н. в.

с наибольшим диаметром 3.5—4 см и диаметром отверстия около 1 см. Глина, из которой сделаны пряслица, — чистая, без заметных примесей. Обжиг, как и у других изделий из глины, отличается высоким качеством.

Составной частью культурного слоя являются куски обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев и кольев. Диаметр первых 1.5—3 см, диаметр вторых 5—8 см. Чаще всего отпечатки имеются лишь с одной стороны, вторая — плоская, заглаженная. Остатки обмазки, как правило, расположены гнездами. На поселениях, длительное время обрабатываемых под посе́вы, они рассеяны по всей территории.

Изредка на поселениях встречаются предметы украшения: фибулы, поясные пряжки, бусы из стекла и горных пород (сердолика) и т. п.¹

Существенное место среди материалов, характеризующих культуру «полей погребений», занимают остатки гончарных обжигательных печей. Такие остатки были обнаружены в 1948 г. при обследовании территории с. Коровинцы Недригайловского района Сумской обл. (б. Роменский уезд) в обресе дороги, проложенной из села в долину р. Сулы (левый берег). При разборке завала собрано большое количество черепков глиняной посуды, сделанной на гончарном круге. На многих черепках заметны следы производственного брака. Изучение собранного материала показало, что он относится к керамическому комплексу культуры «полей погребений» черняховского типа. Здесь были черепки всех трех групп, охарактеризованных нами выше. К сожалению, печь оказалась настолько разрушенной, что восстановить облик ее не представляется возможным. Удалось выяснить лишь следующее: под топку находится на глубине 1.35 м от современной дневной поверхности; ширина сохранившейся части пода топки 1.40 м, толщина пода 0.15 м, высота свода топки 0.30 м. Среди остатков развалившейся печи большое количество кусков обмазки, а также разрушенного столба из белого плотного вещества — цемента-извести (высота сохранившейся части столба 0.40 м, в сечении 0.50×0.40 м). Близ развалин гончарной печи, не более как в 0.5 км от нее, в 1922 г. был найден своеобразный «клад», относящийся к культуре «полей погребений» (см. ниже). Гончарная обжигательная печь, относящаяся к культуре «полей погребений», была открыта также при раскопках поселения близ с. Пересечное Дергачевского района Харьковской обл. (правый берег р. Уды, бассейн С. Донца).² По-видимому, к той же культуре относится и печь, открытая случайно при хозяйственных работах в с. Фроловке Чутовского района Полтавской обл. и обследованная в 1927 г. сотрудниками Полтавского краеведческого музея.³

3

Как и поселения, могильники культуры «полей погребений» на Левобережье почти не исследовались. Из числа известных были подвергнуты незначительным раскопкам лишь могильники у с.с. Кантемировка, Пересечное и Гурбинцы. Материалы Кантемировского могильника были опубликованы, а о раскопках остальных имеются сведения самого общего порядка.

Могильник у с. Гурбинцы был открыт случайно местными жителями при копке глины для хозяйственных надобностей. По данным Н. Е. Макаренко, производившем исследование этого памятника, в могильнике

¹ И. Луцкевич, ук. соч., стр. 165, 168, 169, 175, 176.

² Там же, стр. 168.

³ Збірник, присвячений 35-річчю Музею, т. I, Полтава, 1928, стр. 287—288.

обнаружены два обряда захоронения: труположение и трупосожжение (?). Некоторые захоронения сопровождались сосудами и другим инвентарем, характерным для «полей погребений» черняховского типа¹ (рис. 2).

Оба обряда захоронения выявлены и в могильнике у с. Пересечное. Как и в могильнике у с. Гурбинцы, сопровождающий инвентарь состоит из посуды черняховского типа, фибул и некоторых других вещей.²

Совершенно иной обряд захоронения обнаружен в могильнике у с. Кантемировка. Могильник отличается уже по внешнему облику; это курганный могильник. Во всех трех открытых могилах обнаружено труположение в глубоких ямах с подбоями (камерами). В инвентаре наряду с вещами черняховского типа (преимущественно керамикой) (рис. 1) имеются и такие, которые ближе стоят к инвентарю сарматских могильников. Автор исследования называет их «варварскими элементами».³

Подкурганная могила с таким же обрядом захоронения, с керамикой черняховского типа вскрыта и еще в одном месте юго-восточной части Левобережья — близ с. Воронцовки б. Купянского у. Харьковской губ. Могильник был раскопан Е. Мельник, в начале XX в. (1900—1901 гг.).⁴ Здесь под невысокой курганной насыщью (около 0.70 м), в глубокой с подбоем (камерой) яме было обнаружено два погребения. Одно из них оказалось разрушенным. Инвентарь сохранившегося погребения состоял из мел-

Рис. 2. Керамика из могильника близ с. Гурбинцы (по Н. Е. Макаренко).

ких украшений: цилиндрическая спираль, бронзовая пластина, свернутая в трубку, обломки бронзовой бляшки, бронзовая пряжка, 14 маленьких бус из синего стекла, бронзовая фибула арбалетовидного типа. Кроме того, при погребении оказалась «нижняя часть сосуда из мелкой серой глины с тонкими стенками, сделанного, очевидно, с помощью гончарного круга. Там же найдена половина такой же мисочки с округленными боками, из желтой глины очень тонкой отделки».⁵

¹ М. Макаренко. Археологічні дослідження та розшуки на Прилуччині. Коротке звітання, ВУАК за 1926 рік, Київ, 1927, стр. 111—112.

² І. Луцкевич, ук. соч.

³ М. Рудинський. Кантемирівські могили римської доби. Записки ВУАК, т. I, Київ, 1931.

⁴ Е. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губ., 1900—1901 гг. Дневник раскопок. Труды XII АС, т. I, стр. 726. — І. Луцкевич, ук. соч., стр. 174.

⁵ Е. Мельник, ук. соч., стр. 726. — І. Луцкевич, ук. соч., стр. 173, табл. II, 5, 8—9.

Могильник в с. Свинковка был обнаружен в 1940 г. случайно, при хозяйственных работах. Колхозник Чиж при рытье погреба открыл три костяка и при них несколько сосудов черняховского типа. Позже сотрудники Полтавского музея произвели исследование вскрытой колхозником площади и обнаружили еще одно захоронение по обряду трупосожжения. В августе того же 1940 г. Левобережной экспедицией близ могильника на берегу р. Свинковки было обнаружено поселение культуры «полей погребений».¹

Писаревский могильник открыт колхозниками при строительстве свинарника в 1946 г. Судя по сведениям, собранным сотрудниками Полтавского музея, колхозники обнаружили несколько костяков. Рядом

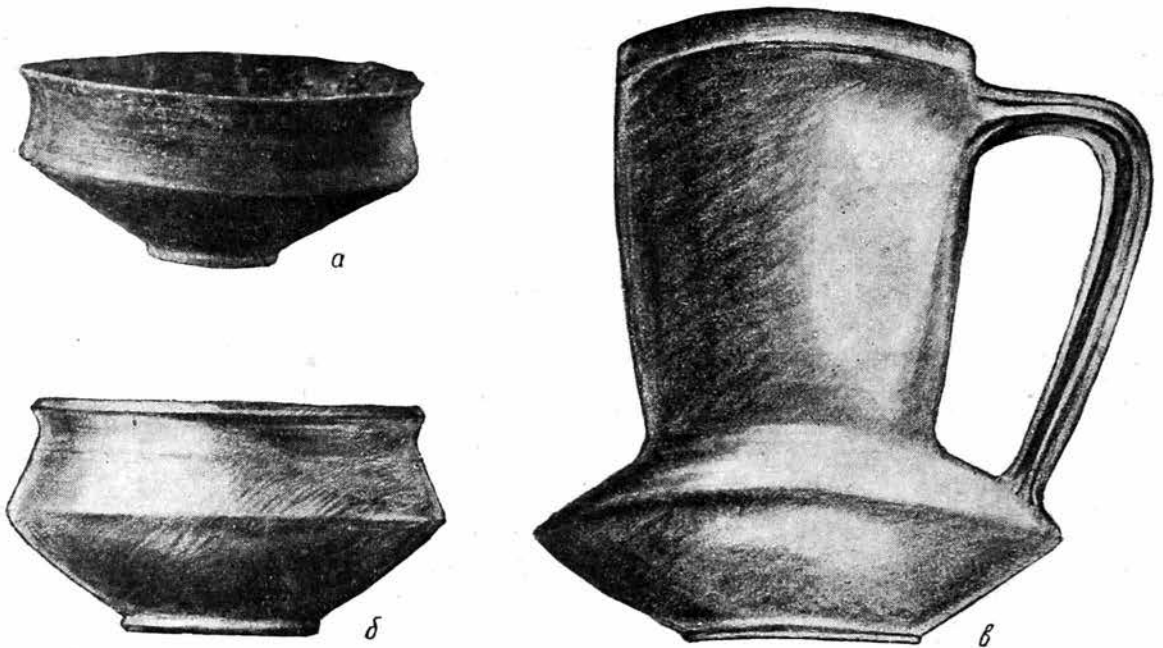

Рис. 3. Керамика Писаревского могильника (рис. Л. С. Кухаревой).

а — $\frac{1}{3}$ н. в.; б — $\frac{1}{2}$ н. в.; в — $\frac{2}{3}$ н. в.

с костяками были найдены сосуды. Часть сосудов сохранилась и была передана в Полтавский историко-краеведческий музей (кувшин и одна миска) (рис. 3, б, в). Позже, в июне 1946 г. при посещении Писаревки Днепровской Левобережной экспедицией совместно с сотрудниками Полтавского музея у одной из колхозниц удалось найти еще одну миску, уже приспособленную под цветочный горшок (на дне была просверлена дырочка). Кроме того, были найдены фрагменты двух мисок (рис. 3, а), подобранных колхозницами вместе с костными остатками, выброшенными из могил. Черепки этих мисок и кости были ими захоронены метрах в 200—300 от могильника, под кустами; как оказалось несколько позднее, захоронение костей совместно с фрагментированными сосудами было произведено на территории поселения культуры «полей погребений».²

Некоторые дополнительные данные для суждения об облике культуры «полей погребений» дают материалы случайных находок, хранящиеся

¹ И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 22 сл.

² И. И. Ляпушкин. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа (По материалам полевых исследований 1938, 1940, 1945 и 1946 гг. в бассейне р. Ворсклы). СА, XI, 1949.

в местных музеях. Так, в Роменском краеведческом музее хранятся вещи (глиняные сосуды и железные поделки) из своеобразного «клада», найденного в 1922 г. при рытье колодца в с. Коровинцы Недригайловского района Сумской обл.¹ Основную часть «клада» составляет глиняная посуда: горшки, миски и кувшины черняховского типа, лощеные и без лощения. Из их числа особого внимания заслуживает одноручный кувшин черного цвета² (рис. 4). По форме кувшин близок к сосудам из металла: он имеет узкое цилиндрическое горло высотой около 13 см,

Рис. 4. Кувшин из «клада» в с. Коровинцы
(рис. Л. С. Кухаревой).

украшенное двумя веревкообразными валиками, размещенными — один в средней части, а другой — у основания горла. Верх горла обрамлен плоским венчиком, слегка скошенным от слива к месту прикрепления ручки. Корпус кувшина биконический, усеченный. Нижняя часть корпуса гладкая, верхняя имеет 13 граней, по ребрам которых нанесен орнамент в виде наколов. Горизонтальное ребро огранено тринадцатью овальными срезами; верхнее ребро этих срезов украшено такими же наколами, как и ребра граней верхней части кувшина. Ручка ребристая, квадратная в сечении, толщиной около 1,5 см. Она прикреплена к середине горла, там, где проходит веревкообразный валик, и к основанию одной из тринадцати граней. Общая высота кувшина 31—32 см, наиболь-

¹ Михайло Семенчик. Випадкові археологічні знахідки на Роменщині. Хроніка археології та мистецтва, ч. I, Київ, 1930, стр. 70—71. Инв. №№ сосудов 994—1005; вещей из железа: 1006, 1008—1010.

² Роменский музей, инв. № 995.

ший диаметр (по ребру) 27 см. Кувшин сделан из хорошей чистой глины и хорошо обожжен. Поверхность гладкая, лощеная. Сосуды подобного типа, повидимому, были не редкостью в обиходе обитателей поселений «полей погребений». В составе этого же «клада» имеется верхняя часть (горло с ручкой) второго такого же сосуда. Фрагмент ручки аналогичного сосуда найден нами на одном из поселений, обследованном в 1948 г. Фрагменты двух таких сосудов опубликованы М. Я. Рудинским.¹ На некоторых сосудах «клада» заметны следы копоти, свидетельствующие о том, что сосуды были в употреблении.

Наибольший интерес «клада» заключается, однако, не в керамике. Последняя является лишь хорошим датирующим материалом, показателем культурно-хронологического облика этого «клада». В составе «клада», как отмечено выше, кроме керамики имеются еще вещи из железа: два сварных кольца, продетые в ушки дужек; железная пластина и плужный нож (чересло) (рис. 5, б). Мы не будем касаться здесь всех вещей из железа. Остановимся лишь на плужном ноже (чересле)² как предмете, который, с нашей точки зрения, придает данному «кладу» особое значение среди материалов, характеризующих культуру «полей погребений». Чересло представляет собою довольно массивный нож длиной 53 см. Рабочую часть ножа составляет лезвие длиной 23 см, при наибольшей ширине 5.5 см и толщине обуха около 2 см. Черен ножа прямоугольный в сечении, со сторонами 1.5—2×2—3 см. В верхней части черена имеется небольшой выступ, заметно сработанный снизу. Повидимому, за эту часть производилось дополнительное (помимо градиля) крепление ножа. Нож хотя и сильно заржавел, все же сохранил свой облик достаточно хорошо. Среди материалов культуры «полей погребений» начала н. э. в Среднем Поднепровье плужные ножи пока не известны. Это, повидимому, первая находка. Вполне естественно, что это обстоятельство должно было заставить нас подойти к ней весьма осторожно.

С целью проверки принадлежности плужного ножа к «кладу», содержащему керамику культуры «полей погребений» черняховского типа, а также выяснения условий находки «клада» мы посетили с. Коровинцы. Нам удалось найти владельца колодца И. П. Гречаника, принимавшего непосредственное участие в извлечении «клада». И. П. Гречаник рассказал нам историю находки, суммарно перечислил найденные вещи (типы сосудов, вещи из железа) и в числе прочих упомянул и чересло.

Насколько хорошо в памяти старика сохранились отдельные вещи, можно судить хотя бы по такому факту: он с точностью до 1 см указал диаметр колец, найденных в этом же клада. Жена И. П. Гречаника, рассказывая о глиняных сосудах из «клада», между прочим, упомянула о сосуде с двумя ручками и округлым дном. В фондах Роменского музея такой сосуд из Коровинцев имеется, — это небольшая яйцевидная амфора салтовского типа; точного паспорта у нее нет; возможно, и она принадлежит к этому же «кладу». Правда, амфор этого типа для первой половины I тысячелетия мы почти что не знаем, но также плохо знаем мы и верхнюю границу керамического комплекса черняховского типа. Не исключена возможность, что последняя в какой-то мере заходит в VI в., для которого подобные амфоры известны,³ а, может быть, амфоры этого типа бытовали и раньше.

¹ М. Рудинский. Археологічні збірки Полтавського музею, стр. 47, табл. V, 14; он же. Кантамирівські могили римської доби. Записки ВУАН, т. I, стр. 138, рис. 4.

² Роменский музей, инв. № 1010.

³ М. И. А р г а м о н о в. Средневековые поселения на нижнем Дону. Известия ГАИМК, вып. 131, Л., 1935, стр. 71—73.

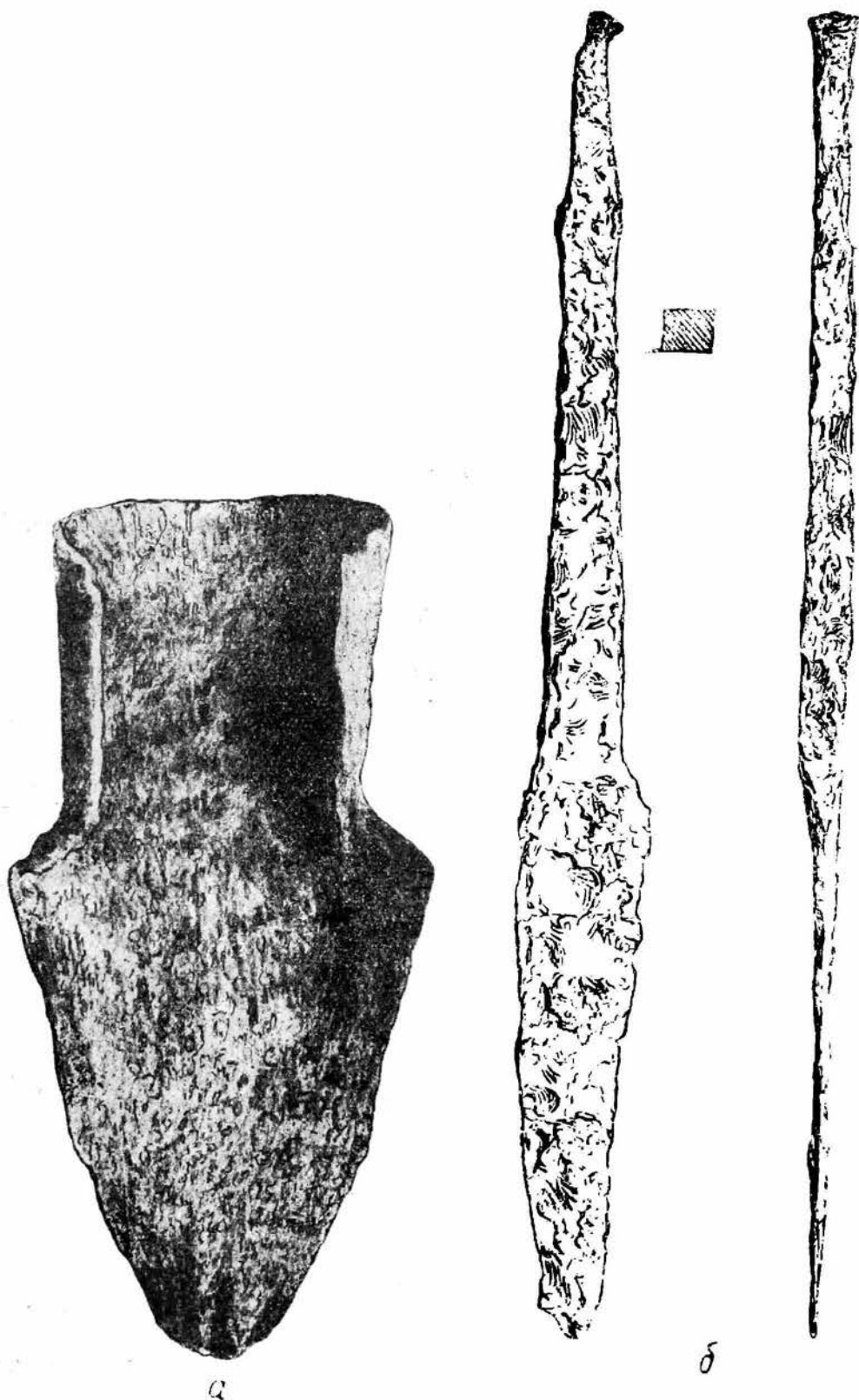

Рис. 5. Земледельческие орудия культуры «полей погребений».
а — сошник из раскопок Д. Я. Самоквасова близ д. Шмырево, Курской обл., $\frac{1}{2}$ н. в.;
б — плужный нож (чересло) из «клада» в с. Коровинцы, Сумской обл., $\frac{1}{3}$ н. в.

Из сельскохозяйственных орудий начала н. э., найденных на территории Левобережья, следует вспомнить симметричный сошник с плоской трубкой (рис. 5, а), найденный Д. Я. Самоквасовым при исследовании песчаной россыпи у д. Шмырево. Там же были найдены римские монеты II в. и бронзовая прорезная подвеска, инкрустированная красной эмалью.¹

С территориями некоторых поселений «полей погребений» связаны находки римских монет первых веков нашей эры. Так, в 1880 г. близ с. Гредасовки Обоянского у. Курской губ. при вспашке поля крестьянин М. П. Барышев выпахал клад серебряных римских монет. Всего было собрано около 300 экз. Часть их (15 экз.) приобрел профессор Киевской духовной академии П. А. Лошкарев, уроженец с. Гредасовки. По времени монеты относятся ко II—III вв. н. э. (от Трояна до Септимия Севера).² В 1909 г. одну из монет этого клада приобрел К. П. Сосновский. Обследовав место находки клада, К. П. Сосновский отметил, что «в настоящее время на этом поле попадаются в большом количестве черепки битой посуды, куски обожженной докрасна глины, осколки пращевых камней и кости животных».³

В 1948 г. при обследовании бассейна р. Псла мы посетили с. Гредасовку, осмотрели указанное К. П. Сосновским место и установили, что отмеченные К. П. Сосновским культурные отложения есть не что иное как остатки поселения — селища культуры «полей погребений» начала н. э. (черняховского типа).

Ряд римских монет найден близ с. Снижки Валковского района Харьковской области. Среди материалов Археологического музея Харьковского университета имеется керамика культуры «полей погребений», собранная в окрестностях того же с. Снижки, свидетельствующая о наличии там поселения.⁴

По данным Полтавского музея, большой клад римских монет (около 1000 экз.) был найден недалеко от с. Писаревки (близ Лукощино) Полтавской обл. (левый берег р. Ворсклы) в 1942 г. В 1946 г. близ Писаревки, при хозяйственных земляных работах был открыт могильник культуры «полей погребений», а несколько позже, в том же 1946 г., Левобережной экспедицией было найдено и поселение той же культуры.⁵ Выше отмечены находки римских монет на дюнах у д. Шмырево, где Д. Я. Самоквасов обнаружил поле «погребальных урн». Находки римских монет известны и в ряде других пунктов Левобережья. Большинство их носит случайный характер. Очень возможно, что при тщательном исследовании мест находок там будут обнаружены и поселения начала н. э. типа «полей погребений».

¹ Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губ., произведенных проф. Д. Я. Самоквасовым. М., 1915, стр. 3—5; Атлас Гочевских древностей. Приложение к дневнику раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губ. М., 1915, табл. I, а, II, а.

² Н. Петров. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за месяц июль 1880 г. Труды Киевской духовной академии, 1880, № 8.

³ К. П. Сосновский. Городища и курганы верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда, Курской губ. Тр. Курской губернской ученой архивной комиссии, вып. 1. Курск, 1911, стр. 318—319.

⁴ И. Лудкевич. Материалы. . . Археология, II, стр. 169 и 174. — О. Федоровский. Інструкція та програми для розвідок и реєстрації пам'яток археологічних. Харьков, 1927, стр. 53.

⁵ И. И. Ляпушкин. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI.

4

Как отмечено выше, «поля погребений» долгое время считались памятниками культуры, связанной с Правобережьем по преимуществу. Да это вполне естественно. На Правобережье были открыты и исследованы первые памятники этой культуры; там же в основном были сосредоточены и последующие работы, связанные с исследованием этой культуры. Этот взгляд в какой-то мере сохраняется и по сей день. Его можно найти и в специальной историко-археологической литературе,¹ и в обобщающих работах по истории нашей страны,² и в учебных пособиях.³ Полевые изыскания последних лет вносят существенные изменения в это представление. Оказывается, что Днепровское лесостепное Левобережье в первой половине первого тысячелетия н. э. было освоено оседлым населением, оставившим памятники культуры полей погребений, не в меньшей степени, чем Правобережье. Не случайные поселения, разбросанные вдоль левого берега Днепра и нижнего течения его притоков, связанные одной жизнью с Правобережьем, как представлялось еще недавно,⁴ а густая сеть их покрывает все лесостепное пространство от Днепра до С. Донца и от Ворсклы до Сейма.⁵

Судя по собранным материалам, население Левобережья первой половины первого тысячелетия н. э. стояло на довольно высокой ступени общественного развития. Это было оседлое население, знавшее пашенное земледелие с применением плуга типа сабана, орудия для того времени достаточно сложной конструкции. О высокой ступени общественного развития свидетельствует и широкое распространение ремесла, в частности — гончарного. Следы его находим в самых глухих уголках исследуемой территории, удаленных друг от друга на сотни километров (Коровинцы — верхнее течение р. Сулы; Пересечное — среднее течение р. Уды, бассейн С. Донца; Фроловка — бассейн р. Ворсклы). Об этом же говорят и многочисленные находки римских монет как в виде отдельных экземпляров, так и в виде кладов, а также часто встречающиеся на поселениях черепки амфор так называемого римского типа. Хотя монетные находки в большей своей части носят случайный характер и в подавляющем большинстве пока не могут быть увязаны ни с поселениями, ни с могильниками, это обстоятельство ни в какой мере не может служить основанием к игнорированию их как источника для характеристики жизни населения Левобережья первой половины первого тысячелетия н. э. Они свидетельствуют о значительных связях населения этой территории с средиземноморскими областями. У нас нет пока данных для суждения о том, какие это были связи. Существующие на этот счет взгляды — самые разнообразные и многие из них носят умозрительный характер.⁶

¹ Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, М.—Л., 1947, стр. 98, карта № 6.

² В. В. Мавродин. Древняя Русь. Госполитиздат, 1946, см. карту «Восточные славяне».

³ Атлас Истории СССР, ч. I. Под общей редакцией проф. К. В. Базилиевича, И. А. Голубцова, М. А. Зиновьева. 1948, карта № 2 (авторы карты проф. А. Я. Брюсов и проф. А. И. Смирнов).

⁴ Б. А. Рыбаков, ук. соч.

⁵ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 44.

⁶ Д. Я. Самоквасов. История русского права, вып. II. Варшава, 1884, стр. 142. — В. Г. Ляскоронский. Находки римских монет в области Среднего Приднепровья. Тр. XI АС, т. I, стр. 464. — В. Е. Данилевич. Карта монетных кладов и находок единичных монет Харьковской губ. Тр. XII АС, т. I, стр. 380—381. — П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 45—46.

Не знаем мы, какую роль играли римские монеты и во внутреннем обиходе населения Левобережья. В связи с этим считаем нужным отметить лишь одно наблюдение: в литературе, относящейся к монетным находкам на Левобережье, мы не встретили ни одного указания на использование римских монет как украшений (подвески и т. п.), что имеет место в отношении иноземных монет (арабских, византийских и др.), попадающих в Восточную Европу в более позднее время, в VII и последующие века. Делать из этого наблюдения какой-либо вывод преждевременно, но оно должно быть учтено, когда в распоряжении исследователя окажутся и некоторые другие данные.

Интересный материал для понимания общего облика населения культуры «полей погребений» дают могильники Левобережья. При описании их мы уже отмечали, что население Левобережья знало разнообразные способы захоронения покойников: трупосожжение (Свинковка, Пересечное), трупоположение в обыкновенных ямах без курганных насыпей (Гурбинцы, Свинковка, Пересечное, Писаревка), трупоположение в глубоких ямах с подбоем и курганными насыпями (Кантемировка, Воронцовка). Это разнообразие в обряде, повидимому, не случайное явление. Если даже допустить, что трупосожжение и трупоположение в обыкновенных ямах без курганных насыпей есть не более как свидетельство наличия имущественного неравенства (богатые хоронили по обряду трупоположения, бедные сжигали трупы), как предполагают одни исследователи,¹ или, как предполагают другие, — что это обряды одновременные, но все же принадлежащие одному и тому же населению,² то в отношении захоронений под курганными насыпями в глубоких ямах с подбоем можно сделать лишь один вывод — это обряд захоронения какой-то иной племенной группы, отличной от первой. В юго-восточной части Восточной Европы подобный обряд захоронения имел широкое распространение и хронологически бытовал длительный период. Обычно он связывается с населением сарматской группы. Повидимому, к этой-то группе населения и следует отнести обитателей поселений близ с.с. Кантемировки и Воронцовки. Из-за отсутствия достаточных данных, к сожалению, ничего конкретного нельзя сказать об этническом облике той части населения, которая хоронила своих покойников в обыкновенных ямах без курганных насыпей по обряду трупоположения или трупосожжения. Этот обряд захоронения характерен и для многих могильников культуры «полей погребений» Днепровского Правобережья, принадлежащих, по мнению большинства исследователей, славянскому населению.³

Не позволяют имеющиеся материалы сделать заключение и о том, насколько характерна подмеченная нами этническая неоднородность населения культуры «полей погребений» для всей территории Левобережья. Но как ни незначительны материалы могильников — они ценны. Только они позволяют понять племенной состав населения, то, что скрывают другие данные, в частности керамика. Именно на этой группе памятников должно быть сосредоточено внимание при дальнейшем изучении этнического состава населения культуры «полей погребений».

¹ В. В. М а в р о д и н. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 19—20.

² П. Н. Т р е т ь я к о в. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 44.

³ П. Н. Т р е т ь я к о в, ук. соч., стр. 43 сл. — М. И. А р т а м о н о в. К вопросу о происхождении восточных славян. Вопросы истории, 1948, № 9, стр. 102—106.

5

Все изложенное выше подводит нас непосредственно к одной из основных задач в изучении культуры полей погребений — выяснению места населения этой культуры в истории Левобережья, его отношения к населению предшествующего (скифского) и последующего (славянского) периодов. Задача эта, как известно, не новая и не легкая. Она встала перед исследователями вместе с открытием первых памятников культуры «полей погребений». В работах многих исследователей, начиная с В. В. Хвойка, можно найти и ответы к этой задаче, но, к сожалению, без доказательств.¹ Мы не ставим своей целью решить эту задачу, ибо состояние изученности памятников Левобережья не позволяет этого сделать. Мы ограничиваемся на данном этапе лишь показом материалов, которыми располагаем для ее решения, и теми выводами, которые вытекают из них. Вместе с тем мы отмечаем и отсутствующие звенья в материалах.

Полевые работы в области Днепровского лесостепного Левобережья показали, что территория, занятая в первой половине первого тысячелетия н. э. населением культуры «полей погребений», была заселена и в предшествующий, скифский, период. Об этом достаточно красноречиво говорят многочисленные поселения (городища и селища) и курганы «скифов-пахарей». Сводка последних и хронологическая классификация их в свое время была сделана А. А. Спицыным.² А. А. Спицын пришел к выводу, что ко II в. до н. э. курганы «скифов-пахарей» исчезают вследствие массового и, главным образом, подневольного переселения в приречные и приморские города, боспорские и греческие.³ Не касаясь здесь вопроса, насколько верно А. А. Спицын определил причину исчезновения «скифов-пахарей» (об этом нами сказано в другом месте),⁴ отметим сейчас лишь факт исчезновения курганов «скифов-пахарей» ко II в. до н. э., факт не опровергнутый, кажется, пока еще никем. Другая группа памятников, предшествующая памятникам «полей погребений», — поселения «скифов-пахарей» — в подавляющей массе стала, или вернее становится, известной лишь в последние годы. В то время, когда А. А. Спицын составлял сводку курганов «скифов-пахарей», он смог назвать не более 10 поселений этой культуры, разбросанных на громадной территории лесостепи — от Ахтырки до Балты и от Чернигова до Полтавы. За истекший период число известных поселений значительно возросло. Только в области Левобережья их насчитывается сейчас более сотни. Не все они одновременны. Наиболее древние из них — селища VII—V вв. до н. э. — связаны с южной полосой лесостепи. Группа поселений V—III вв. до н. э. (селища и городища) имеет более широкое распространение. Она охватывает южную и среднюю полосы лесостепи — бассейн рек Ворсклы, Псла, Сулы и верхнего течения С. Донца. Группу поселений-городищ с III в. до н. э. и позже составляют поселения северной полосы — бассейна р. Сейма. Верхней хронологической границы северной группы поселений «скифов-пахарей» указать пока не представляется возможным.⁵

Ряд исследователей рассматривает население, оставившее культуру

¹ В. В. Хвойка, ук. соч. — В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Изд. ЛГУ, 1940, стр. 30—31; он же. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 18—19. — П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1949, стр. 52 сл.

² А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, Петроград, 1918.

³ А. А. Спицын, ук. соч.

⁴ И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») северной полосы Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII.

⁵ Там же.

«скифов-пахарей», как непосредственных предков славянского населения Левобережья («роменцов»).¹ При таком подходе верхнюю хронологическую границу некоторых городищ третьей группы поселений пришлось бы отодвинуть до конца первого тысячелетия н. э., а то и позже. Имеется, однако, большое число фактов, явно противоречащих этому положению.

Курганные могильники и поселения «скифов-пахарей» на большей части территории Левобережья, как раз той, где сосредоточены памятники «полей погребений», относятся ко времени до II в. до н. э. От наиболее ранних памятников «полей погребений» черняховского типа, рассмотренных нами выше, они отстоят самое меньшее на два столетия. Такое хронологическое соотношение археологических памятников ставит вопрос о непосредственной связи населения культуры «полей погребений» со «скифами-пахарями» уже под сомнение. Конечно, опираться только на эти данные было бы весьма рискованно. Хронологический разрыв может оказаться не чем иным, как результатом недостаточной разработки вопросов датировки памятников обеих культур. Но выводы, вытекающие из хронологии, находят подтверждение и в некоторых других данных, в частности в отсутствии таких элементов материальной культуры, которые в какой-то мере показывали бы близость этих культур по их содержанию.

Чтобы лучше разобраться в этом, напомним некоторые, наиболее характерные черты культуры «скифов-пахарей» на последнем этапе ее развития: господствующий тип поселения — городища, расположенные близ лесных массивов или просто в лесу, на высоких крутых мысах коренных берегов рек, балок и оврагов. Бытовой инвентарь примитивен: посуда изготовлялась из грубой глины ручным способом, много изделий из кости, среди культурных остатков большое место занимают всевозможные глиняные поделки — пряслица, грузики разнообразных форм неизвестного назначения, и т. п. В составе культурного слоя много золы, костей животных, кусков обожженной глины. В целом культура достаточно своеобразна, и ее памятники легко выделяются из числа памятников синхроничных ей культур (деснинской, дьяковой) смежных областей.² Культура «полей погребений», в меру сил охарактеризованная выше, существенно отличается от культуры «скифов-пахарей» как по своему общему облику, так и составляющим ее элементам. Ни на поселениях «скифов-пахарей», ни на поселениях «полей погребений» пока не найдено остатков, которые свидетельствовали бы о какой-то близости материальной культуры населения этих двух хронологических этапов.

Сравнение культурных остатков «полей погребений» с материалами культуры предшествующего периода позволяет утверждать лишь одно, что в хозяйственной и общественной жизни населения Левобережья на рубеже нашей эры произошли значительные изменения. Прежде всего изменился тип поселения. Укрепленные поселения (городища) «скифов-пахарей», широко распространенные в конце первого тысячелетия до н. э., в первых веках нашей эры сменяются новым типом — селищами. Одновременно изменяется и топографическое местоположение их. Поселения размещаются на открытых местах: в долинах рек по склонам надпойменных террас, при устьях небольших речек, мокрых балок и оврагов — в окружении удобных для земледелия участков.

О серьезных сдвигах в хозяйственной и общественной жизни свидетельствует и общий облик культурных остатков поселений «полей погребений»

¹ Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, Л., 1947, стр. 94.

² И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») северной полосы Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII.

ний». Наличие гончарной посуды и развалин гончарных обжигательных печей говорит о появлении ремесла, об общественном разделении труда. Об этом же говорят и найденные железные земледельческие орудия — сошники, характеризующие одновременно существование и еще одной отрасли хозяйственной деятельности — пашенного земледелия.

Значительные изменения произошли, повидимому, и в характере связей населения Левобережья с Средиземноморским бассейном, о чем свидетельствует появление большого количества монет, неизвестных в предшествующий период.

Конечно, материалы, приведенные нами, незначительны и не отражают всей глубины происшедших перемен. Не показывают они и того, в силу каких причин произошли эти перемены. Ответ, повидимому, может быть найден лишь в материалах переходного периода, который, судя по всем данным, следует отнести к концу первого тысячелетия до н. э. К сожалению, памятников этой поры мы пока не знаем. Поиски их — одна из очередных задач советских археологов.

Столь же неуловимо, как и возникновение, время исчезновения культуры «полей погребений» на Левобережье. Некоторые исследователи предполагают, что «поля погребений» на Левобережье исчезают в конце первой половины первого тысячелетия н. э. и связывают этот факт с гуннским нашествием.¹ Такое решение, повидимому, наиболее правдоподобно. Во всяком случае, от второй половины первого тысячелетия до нас дошли на той же территории памятники уже иных культур. Мы имеем в виду многочисленные поселения и могильники VII—X и VIII—X вв. салтово-маяцкой и славянской (роменско-боршевской) культур. Большая часть их, расположенная в Днепровском бассейне, принадлежит славянскому населению («роменцам»). Вторая, меньшая, сосредоточенная в юго-восточной части исследуемой территории (бассейн С. Донца), относится к салтово-маяцкой культуре.

Вопрос об отношении населения культуры «полей погребений» к населению последующей поры, в частности к славянскому, один из серьезнейших вопросов древнейшей истории народов СССР. Поскольку памятники второй половины первого тысячелетия по своему существу не однородны и за ними стоят различные этнические группы населения, будет целесообразнее рассмотреть вопрос об отношении населения «полей погребений» с каждой из этих групп отдельно.

Исходя из принятой нами точки зрения, что культура «полей погребений» исчезает на Левобережье в V в., при датировке славянских памятников роменско-боршевского типа VIII—X вв. приходится признать, что между этими двумя группами памятников оказывается хронологический разрыв в три столетия. Это положение давно отмечено исследователями² и останавливаться на нем сейчас нет необходимости. Но как и в случае, разобранном нами выше, сложность в исследуемом вопросе заключается не в преодолении хронологического разрыва, который быть может даже не так велик, как мы предполагаем, а в том, что каждая из этих культур настолько своеобразна, что ни в одной из них мы не можем указать элементов материнской культуры, которые в какой-то мере связывали бы их. Чтобы понять это положение, достаточно напомнить некоторые наиболее характерные черты роменско-боршевской культуры и сравнить их с материалами культуры «полей погребений», охарактеризованными выше. Тип роменско-боршевского поселения — небольшое

¹ П. И. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 70—71.

² П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА СССР, 6, М.—Л., 1941, стр. 11.

городище на высоком крутом мысу или среди болот. К укрепленной части примыкает селище. Основная масса бытового инвентаря изготовлялась из кости. Вещи из металла встречаются редко. Глиняная посуда грубая, лепная. Известно лишь несколько поселений, где наряду с лепной керамикой роменского типа встречены отдельные обломки гончарной посуды культуры «полей погребений» (Авдеево, Горицы). Жилища наполовину углублены в землю (полуземлянки). В составе культурного слоя много обожженной глины, костей животных, чешуи рыбы, золы, углей.¹ Как видно из изложенного, здесь нет элементов, которые могли бы послужить связывающими звеньями между культурами «полей погребений» и роменско-боршевской. Приведенные нами материалы показывают лишь одно: во второй половине первого тысячелетия н. э. на Левобережье в жизни населения произошли новые изменения. Большая часть населения, как и в последний период скифского времени, сосредоточена в укрепленных поселениях — городищах. Часть этих городищ создана вновь, но были использованы и старые городища, оставшиеся от скифского времени.² Из числа последних были освоены городища небольших размеров, с линией обороны небольшой протяженности. Широко распространенный в первой половине первого тысячелетия гончарный круг исчезает. Керамика изготавливается лепным способом. В общем облике культуры чувствуется примитивность. Многие черты ее напоминают культуру «скифского времени» рубежа н. э.

По мнению некоторых исследователей, резкое различие между культурой «полей погребений» и славянской культурой роменско-боршевского типа объясняется их различным происхождением. Эти исследователи полагают, что население, оставившее роменско-боршевскую культуру, появилось в области Левобережья сравнительно поздно, в VII—VIII вв. Такой точки зрения придерживается, например, П. Н. Третьяков. «Культура «полей погребений» в области Днепровского Левобережья, — пишет он, — как явление массового порядка исчезает к VI ст. н. э. Ее сменяют славянские памятники в виде так называемых „роменских“ городищ и курганов с трупосожжением, обрисовывающие несравненно более примитивный быт и более отсталую ступень в развитии общественной жизни.» «„Роменская“ культура, — продолжает он, — генетически увязывается не с „полями погребений“, а с культурой племен бассейна р. Десны, откуда несомненно и пришли ее носители».³

Но не только сторонники позднего появления «роменцев» на территории Левобережья не находят ничего общего в этих двух культурах. Не находят этой общности и те, кто считает «роменцев» аборигенами Левобережья. Архаизм, наличие скифских традиций в роменской культуре приводит этих исследователей к поискам истоков роменской культуры в памятниках не непосредственно предшествующих ей, какими являются «поля погребений», а в памятниках культуры «скифского времени». К такому выводу в одной из своих работ пришел Б. А. Рыбаков. «Как показали мои раскопки Гочевского городища, — пишет он, —

¹ Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, вып. 22, стр. 55—88; он же. Городище «Монастирище». Научный збірник за рік 1924, т. XIX — П. Н. Третьяков. Стародавні слав'янські городища у верхній течії Ворскли. Археологія, I, Киев, 1947. — И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X ст. КСИИМК, XII, 1946.

² И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII.

³ П. Н. Третьяков. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. КСИИМК, V, 1940, стр. 15—16; он же. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 70.

роменская культура выростала из своеобразного южного варианта дьяковской культуры». ¹ «Южным вариантом дьяковской культуры» автор называет культуру «скифов-пахарей», или так называемую зольничную культуру, слои которой были вскрыты на Гочевском городище.

Но население Левобережья во второй половине первого тысячелетия, т. е. после исчезновения культуры «полей погребений», не исчерпывалось славянским населением роменской группы. Одновременно с ним в юго-восточном углу этой области обитала другая группа оседлого населения, оставившая многочисленные памятники, известные в настоящее время под именем салтово-маяцкой культуры. Большая часть этих памятников находится за пределами исследуемой нами территории — между С. Донцом и Доном и в предгорной полосе Сев. Кавказа. В области Левобережья, в широком смысле этого слова (между Днепром и Осколом), наиболее изученным и до последних лет почти единственным известным памятником этой культуры являлся катакомбный могильник в с. В. Салтово.

Изучая памятники культуры «полей погребений» Левобережья, в частности наиболее полно исследованный Кантемировский могильник, мы пришли к заключению, что некоторые черты культуры, свойственные этой группе «полей погребений», прослеживаются в салтово-маяцкой культуре. В памятниках последней — традиции культуры «полей погребений» кантемировского типа явно ощущаются и в катакомбном обряде захоронения (дальнейшее усложнение могил с подбоями), и в некоторых формах гончарных сосудов, и в технике их изготовления, и в некоторых деталях одежды покойника (в частности, обуви).

В результате разведочных работ последних лет число известных памятников салтово-маяцкой культуры в области Левобережья значительно возросло. Изучение их дало новые материалы, свидетельствующие о связях салтово-маяцкой культуры с культурой «полей погребений». Так, в 1947 г. при обследовании нижнего течения р. Оскола нами было обнаружено несколько открытых поселений-селищ салтово-маяцкой культуры, по своему топографическому местоположению буквально тождественных поселениям-селищам «полей погребений». Они были расположены на склонах надпойменных террас в устьях небольших речек и балок (у д. Новоселье, между с.с. Тополи и Каменка, у д. Голубовка близ Купянска). Больше того, среди собранного керамического материала, наряду с остатками сосудов, характерных для салтово-маяцкой культуры в собственном смысле, были обнаружены черепки сосудов, ничем не отличающихся от сосудов «полей погребений» как по технике изготовления, так и по своим формам (сосуды хозяйственного назначения с горизонтально отогнутыми венчиками). Наблюдения 1945—1947 гг. нашли подтверждение в полевых изысканиях 1948 г. Одновременно были выявлены и новые материалы, свидетельствующие о том, что салтово-маяцкая культура своими корнями связана с культурой «полей погребений» значительно глубже, чем это казалось до сих пор. Вспомним комплекс земледельческих орудий из правобережного Цымлянского городища VIII—X вв., состоящий из плужного ножа (чересла), пары симметричных сошников, косы и нескольких серпов, из раскопок 1939 г. ² (рис. 6). Долгое время этот комплекс стоял особняком, вне связи с предшествующим периодом. Плужный нож (чересло) из Коровинцев и сошник из раскопок Д. Я. Самоквасова у д. Шмырево,

¹ Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, Л., 1947, стр. 94.

² И. И. Ляпушкин. Раскопки правобережного Цымлянского городища, КСИИМК, IV. М. — Л., 1940.

относящиеся к культуре «полей погребений», — в свете других материалов помогают нам разобраться в этом вопросе. По своим формам и размерам плужный нож (чересло) и сошники Цымлянского городища настолько близки к аналогичным орудиям «полей погребений», что их трудно различить. Размер плужных ножей буквально совпадает. Общая длина их 0.52—0.53 м, длина лезвия 0.22—0.23 см.

Отмеченную нами близость некоторых элементов салтово-маяцкой культуры с культурой «полей погребений» едва ли можно считать явлением случайного совпадения. Вероятнее всего, следует предполагать, что какая-то группа населения культуры «полей погребений», в первую очередь кантемировская (сарматская), близко стоящая к степному населению, явилась одним из слагаемых в формировании оседлого населения салтово-маяцкой культуры. Эта группа и внесла в отдельные области хозяйственной и духовной жизни населения салтово-маяцкой культуры некоторые элементы культуры, известной нам под именем «полей погребений».

Итак, памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. в области Днепровского лесостепного Левобережья имеют повсеместное распространение от Днепра до С. Донца и от Ворсклы до Сейма. Большую часть известных памятников составляют поселения. Это исключительно селища. На некоторых поселениях обнаружены развалины гончарных обжигательных печей. Среди культурных остатков наряду с остатками домашнего быта, имеются сельскохозяйственные орудия: сошник, плужный нож (чересло). Незначительную часть известных памятников составляют могильники, по внешнему облику делящиеся на две группы — курганные и бескурганные. Обряд захоронения в могильниках курганного типа — труположение в глубоких ямах с подбоями (камерами). Бескурганам могильникам присущи оба обряда захоронения — труположение и трупосожжение.

На территории Левобережья в разное время при всевозможных земляных работах найдено большое количество римских монет начала н. э. как в виде отдельных экземпляров, так и в виде кладов. Границы территории, на которой найдены римские монеты, совпадают с границами территории известных нам памятников «полей погребений». Некоторые из монетных находок территориально могут быть увязаны с известными нам в настоящее время поселениями «полей погребений».

Эти данные позволяют сделать следующие выводы:

а) Вся территория Левобережья в первой половине I тысячелетия н. э. (точнее датировать пока не представляется возможным) была занята различными племенами оседлого населения. Одна из групп этого населения, связанная с памятниками типа Кантемировки, может быть определена как сарматская, вторая — по обряду захоронения близка к Правобережному населению, которое большинством исследователей считается славянским.

б) Население знало развитое ремесло (гончарное производство), пашенное земледелие и имело тесные связи с Средиземноморскими областями. По сравнению с предшествующим, скифским, периодом в хозяйственной и общественной жизни Левобережья ощущаются значительные изменения.

в) Культура «полей погребений» в области Левобережья исчезает в конце первой половины первого тысячелетия н. э. В последующий период следы этой культуры можно подметить лишь на незначительной территории, в юго-восточном углу области, в памятниках салтово-маяцкой культуры. В них прослеживаются некоторые традиции «полей погребений», в первую очередь кантемировской группы памятников: в типе поселений,

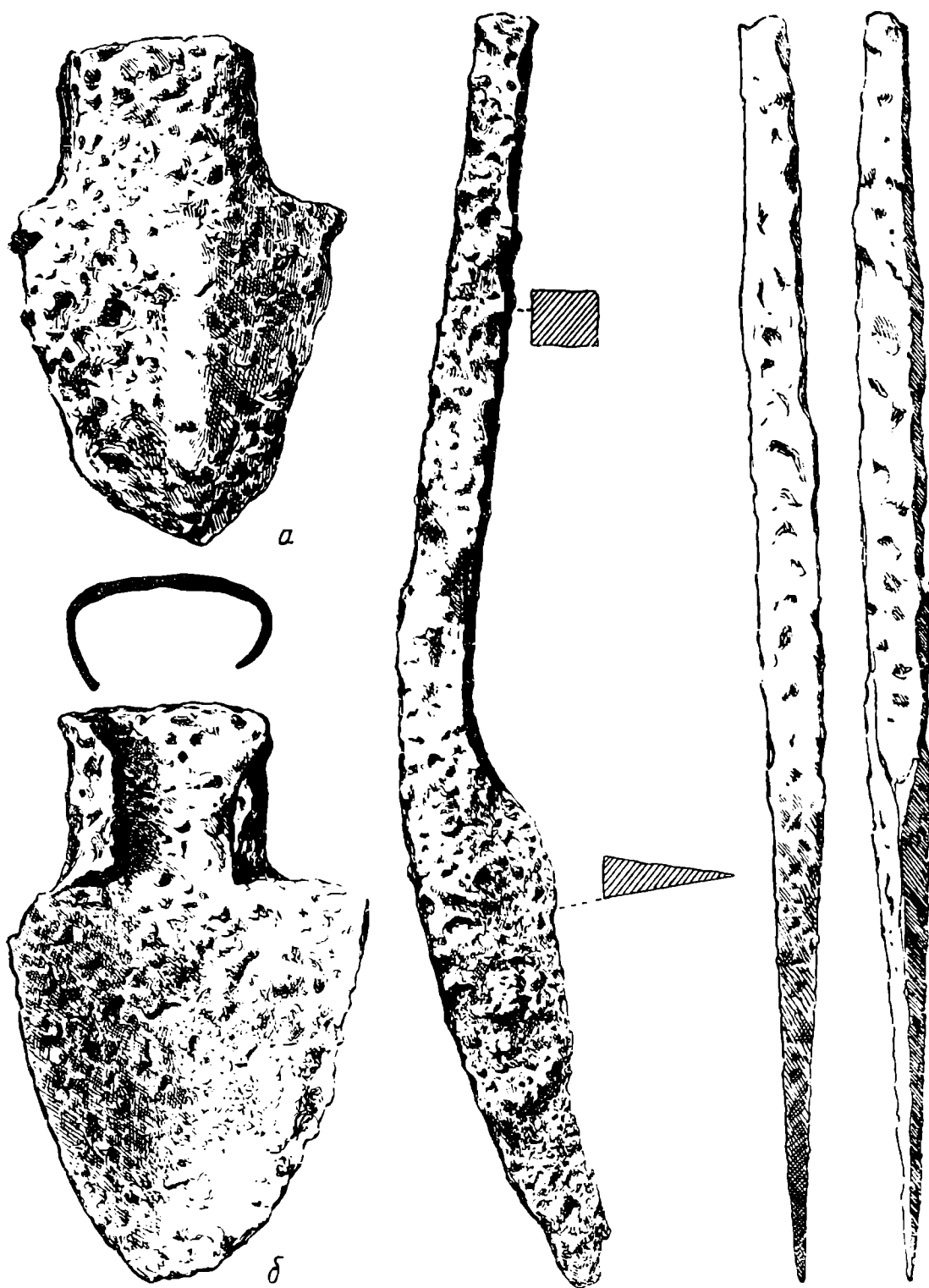

Рис. 6. Земледельческие орудия салтово-маяцкой культуры (Правобережное Цыплянское городище), $\frac{1}{3}$ н. в.

в технике гончарного производства, в обряде захоронения, в орудиях пашенного земледелия и некоторых других сторонах жизни и быта.

На остальной части территории во второй половине I тысячелетия н. э. культура «полей погребений» сменяется славянскими памятниками роменско-боршевского типа, по общему облику резко отличающимися от памятников «полей погребений». Взаимоотношение этих двух групп населения требует дальнейшего всестороннего изучения.

Приложение к карте

I — Список населенных пунктов, близ которых расположены археологические памятники

- 1 — Свинковка Полтавской обл. и р-на — селище и могильник;
- 2 — Кантемировка Полтавской обл. Чутовского р-на — селище и могильник;
- 3 — Писаревка Полтавской обл. Н. Сенжарского р-на — селище и могильник;
- 4 — П. Сенжары Полтавской обл. — селище;
- 5 — Кобеляки Полтавской обл. — селище;
- 6 — Сухиновка Полтавской обл. Кобелякского р-на — селище;
- 7 — Исаевка Полтавской обл. Кишеньковского р-на — селище;
- 8 — Градижск Полтавской обл. — селище;
- 9 — Вырвихвист Полтавской обл. Градижского р-на — селище;
- 10 — Шабельники Полтавской обл. Золотоношского р-на — селище;
- 11 — Авдеевка Курской обл. Ленинского р-на — отдельные находки;
- 12 — Топлинка Курской обл. Белгородского р-на — отдельные находки;
- 13 — Мартова Харьковской обл. Печенежского р-на — селище;
- 14 — ж.-д. остановка Курортная, близ с. Пересечное Харьковской обл. Дергачевского р-на — селище;
- 15 — Пересечное Харьковской обл. Дергачевского р-на — селище и могильник;
- 16 — Должик Харьковской обл. Золочевского р-на — селище;
- 17 — Ореховские хутора Харьковской обл. Золочевского р-на — селище;
- 18 — Рассоховатое Харьковской обл. Золочевского р-на — селище;
- 19 — Пересыпь Курской обл. Кривцовского р-на — селище;
- 20 — Услонка Курской обл. Обоянского р-на — селище;
- 21 — Гредасово Курской обл. Обоянского р-на — селище;
- 22 — Рашовка Полтавской обл. Гадячского р-на — селище;
- 23 — Хут. Терновы́й близ Б. Сорочинцы Полтавской обл. — селище;
- 24 — Ковалева Полтавской обл. Шишацкого р-на — отдельные находки;
- 25 — Грянчиха Полтавской обл. Богачковского р-на — селище;
- 26 — Волковцы Сумской обл. Роменского р-на — селище;
- 27 — Коровинцы Сумской обл. Недригайловского р-на — селище;
- 28 — Гурбинцы Черниговской обл. Сребнянского р-на — могильник;
- 29 — Манжелея Полтавской обл. Великокрынковского р-на — селище;
- 30 — Ковали Полтавской обл. Хоролского р-на — отдельные находки;
- 31 — Холодный Сумской обл. Смеловского р-на — отдельные находки;
- 32 — Хотмыжск Курской обл. Борисовского р-на — селище;
- 33 — Луговое Сумской обл. Великописаревского р-на — селище;
- 34 — Яблочное Сумской обл. Ахтырского р-на — селище;
- 35 — Между Н. Рябина Ахтырского р-на и Добренское Великописаревского района Сумской обл. — селище;
- 36 — Писаревка Сумской обл. — селище;
- 37 — Кунцы Полтавской обл. Н. Сенжарского р-на — селище;
- 38 — Волчанск Харьковской обл. — селище;
- 39 — Верхн. Писаревка Харьковской обл. Старо-Салтовского района — отдельные находки;
- 40 — Кочеток Харьковской обл. Чугуевского р-на — отдельные находки;
- 41 — Черкасский Бишкин Харьковской обл. Змиевского р-на — селище;
- 42 — Снижки Харьковской обл. Валковского р-на — селище;
- 43 — Замоский Кут Харьковской обл. Валковского р-на — селище;

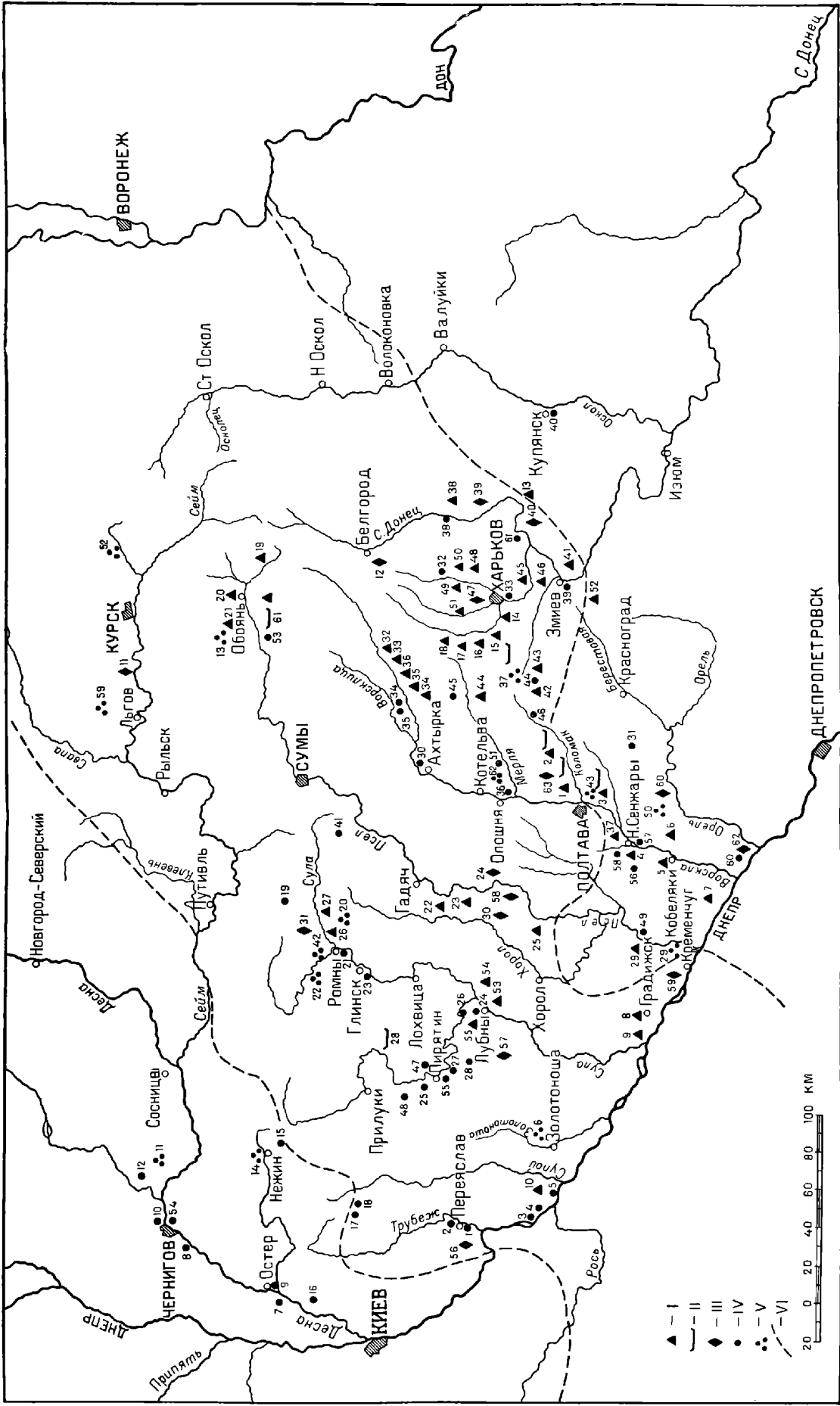
- 44 — Крючик Харьковской обл. Богодуховского р-на — селище;
- 45 — Терновое Харьковской обл. Чугуевского р-на — селище;
- 46 — Водяное Харьковской обл. Чугуевского р-на — селище;
- 47 — Харьков и его окрестности — отдельные находки;
- 48 — Хут. Прелесный Харьковской обл. — селище;
- 49 и 50 — Б. Даниловка Харьковской обл. — селища;
- 51 — Дергачи Харьковской обл. — селище;
- 52 — Западенька Харьковской обл. — селище;
- 53 — Засулье Полтавской обл. Лубенского р-на — селище;
- 54 — Войнин Полтавской обл. Лубенского р-на — селище;
- 55 — Калайденцы Полтавской обл. Лубенского р-на — селище;
- 56 — Гречаники Киевской обл. — отдельные находки;
- 57 — Хут. Савинский Полтавской обл. — отдельные находки;
- 58 — Шишаки Полтавской обл. — отдельные находки;
- 59 — Кременчугщина (точное место неизвестно) Полтавской обл. — отдельные находки;
- 60 — Нехвороща Полтавской обл. — отдельные находки;
- 61 — Шмырево Курская обл. Обоянский р-н — могильник (?) и поселение;
- 62 — Орлик Полтавской обл. Кишеньковского р-на — отдельные находки;
- 63 — Фроловка Полтавской обл. Чутовского р-на — отдельные находки.

II — Список населенных мест, близ которых найдены римские монеты

- 1 — Андруши и Коран Киевской обл. — отдельные монеты;
- 2 — Переяслав-Хмельницкий Киевской обл. — отдельные монеты;
- 3 — Леплява Полтавской обл. — отдельные монеты;
- 4 — Келеберда Полтавской обл. — отдельные монеты;
- 5 — Прохоровка Полтавской обл. — отдельные монеты;
- 6 — Ковтуны Полтавской обл. — клад;
- 7 — Выползово Черниговской обл. — отдельные монеты;
- 8 — Шестовицы Черниговской обл. — отдельные монеты;
- 9 — Остер Черниговской обл. — отдельные монеты;
- 10 — Чернигов — отдельные монеты;
- 11 — Стольное Черниговской обл. — клад;
- 12 — Борзна Черниговской обл. — отдельные монеты;
- 13 — Гредасовка Курской обл. — клад;
- 14 — Нежин Черниговской обл. — клад;
- 15 — Безугловка Черниговской обл. — отдельные монеты;
- 16 — Семиполки Киевской обл. — отдельные монеты;
- 17 — Крупол Киевской обл. — отдельные монеты;
- 18 — Войтово Киевской обл. — отдельные монеты;
- 19 — Терны Сумской обл. — отдельные монеты;
- 20 — Волковцы Сумской обл. — клад;
- 21 — Ромны Сумской обл. — отдельные монеты;
- 22 — Медвежье Сумской обл. — клад;
- 23 — Глинск Сумской обл. — отдельные монеты;
- 24 — Глубы Полтавской обл. — отдельные монеты;
- 25 — Пирятин Полтавской обл. — отдельные монеты;
- 26 — Хитцы Полтавской обл. — отдельные монеты;
- 27 — Лазорки Полтавской обл. — отдельные монеты;
- 28 — Слелородские хутора Полтавской обл. — отдельные монеты;
- 29 — Кременчуг Полтавской обл. — клад;
- 30 — Ахтырский р-н Сумской обл. — отдельные монеты;
- 31 — Карловка Полтавской обл. — отдельные монеты;
- 32 — Липцы Харьковской обл. — отдельные монеты;
- 33 — Жихар Харьковской обл. — отдельные монеты;
- 34 — Семереньки Сумской обл. — отдельные монеты;
- 35 — Колки Сумской обл. — отдельные монеты;
- 36 — Лишачевка Полтавской обл. — отдельные монеты;
- 37 — Старые Валки Харьковской обл. — клад (?);
- 38 — В. Салтов Харьковской обл. — отдельные монеты;
- 39 — б. Змиевский уезд (без указания места) Харьковской обл. — отдельные монеты;
- 40 — Купянск Харьковской обл. — отдельные монеты;
- 41 — Грунь Сумской обл. — отдельные монеты;
- 42 — Рогинцы Сумской обл. — клад;
- 43 — Лукощино Полтавской обл. — клад;

- 44 — С н и ж к и Харьковской обл. — отдельные монеты;
 45 — С е н н я с к и й х у т. Харьковской обл. — отдельные монеты;
 46 — Р е з у н е н к о в х у т. Харьковской обл. — отдельные монеты;
 47 — Д е й м а н о в к а Полтавской обл. — отдельные монеты;
 48 — С а с и н о в к а Полтавской обл. — отдельные монеты;
 49 — М а н у й л о в к а Полтавской обл. — отдельные монеты;
 50 — Н е х в о р о щ а Полтавской обл. — клад;
 51 — К о л о н т а е в Харьковской обл. — отдельные монеты;
 52 — Т р о и ц а Курской обл. — клад;
 53 — Ш м ы р е в о Курской обл. — отдельные монеты;
 54 — А н и с о в о Черниговской обл. — отдельные монеты;
 55 — М а л а я К р у ч а Полтавской обл. — отдельные монеты;
 56 — х у т. Л а д а т к и Полтавской обл. — отдельные монеты;
 57 — Н . С е н ж а р ы Полтавской обл. — отдельные монеты;
 58 — Л е л ю х о в к а Полтавской обл. — отдельные монеты;
 59 — С е в е н к и Курской обл. — клад;
 60 — О р л и к Полтавской обл. — отдельные монеты;
- 61 — Ч у г у е в Харьковской обл. — отдельные монеты;
 62 — Л и х а ч е в к а Полтавской обл. — клад;
 63 — П р и к у т ы Черниговской обл. — клад;
 64 — Ч е х о в к а Полтавской обл. — отдельные монеты.

№№ 63—64
 на карту не
 нанесены

Карта археологических памятников.

I — селища культуры «полей погребений»; II — могильники культуры «полей погребений»; III — находки отдельных вещей культуры «полей погребений»; IV — места находок клязов римских монет нач. в. в.; V — места находок клязов римских монет нач. в. в.; VI — граница лесостепи.